

optimal methods for model parameterization, and proposes a comprehensive approach to constructing political activity forecasting systems, integrating the methodological tools of Western computational science with Russian experience in analyzing information flows and network structures.

Keywords: *agent-based modeling, socio-media political activity, information flows, network analysis, digital platforms, political technologies, information influence*

МАРТЫНОВ Алексей Анатольевич — доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49; alamartynov@fa.ru)

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ интернет-мемов как значимого феномена современной политической коммуникации. Цифровая трансформация публичной сферы обусловила появление новых форматов политического взаимодействия, среди которых интернет-мемы, обладающие свойствами вирусности, лаконичности и эмоциональной заряженности, занимают одно из центральных мест. Цель исследования заключается в систематизации и синтезе теоретических подходов к изучению политических мемов, а также в обосновании необходимости формирования междисциплинарного исследовательского поля – «политической мемологии». Автор приходит к выводу, что интернет-мемы представляют собой не просто форму цифрового фольклора или развлечения, но мощный инструмент формирования и трансформации политической повестки, борьбы за гегемонию в цифровом пространстве, реализации стратегий «мягкой силы» и конструирования новых форм политической идентичности.

Ключевые слова: интернет-мемы, политическая коммуникация, повестка дня, культурная гегемония, политическая мемология, медиатизация политики

Введение

Стремительная и тотальная цифровизация публичной сферы в XXI в. привела к фундаментальной трансформации традиционных моделей и каналов политической коммуникации. На смену иерархической, вертикальной модели «один-ко-многим», доминировавшей в эпоху традиционных СМИ, приходят нелинейные, горизонтальные сетевые взаимодействия, характеризующиеся высокой скоростью, интерактивностью и децентрализованностью [Кастельс 2016: 45]. В этих условиях ключевую роль начинают играть новые акторы (цифровые инфлюенсеры, бот-сети, виртуальные сообщества) и принципиально новые форматы коммуникации, адаптированные к логике цифровых платформ. Среди последних особое место занимают интернет-мемы — лаконичные, эмоционально заряженные и обладающие свойством вирусного распространения единицы культурной информации, как правило,

сочетающие визуальные (изображение, видео) и вербальные (текст, слоган) компоненты [Shifman 2014: 41].

Актуальность их исследования для политической науки обусловлена растущей эмпирически подтверждаемой способностью мемов оказывать существенное влияние на ключевые политические процессы – формировать общественное мнение и электоральные предпочтения, политическую социализацию молодежи, легитимацию или, напротив, делегитимацию власти, мобилизацию протестной или поддерживающей активности [Бабинова 2021: 118]. В условиях гибридных войн и информационного противоборства мемы превращаются в эффективное оружие для подрыва доверия к институтам, разжигания социальной розни и эрозии суверенитета.

Цель данной статьи – провести систематизацию и синтез теоретико-методологических оснований исследования интернет-мемов как инструмента политической коммуникации через интеграцию ключевых политологических концепций. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: 1) проследить эволюцию концепта «мем» от его биологических истоков до становления социокультурной мемологии; 2) проанализировать потенциал теории установления повестки дня (*agenda-setting*) для объяснения роли мемов в формировании политической повестки в цифровой среде; 3) рассмотреть феномен мемов в контексте теорий культурной гегемонии и «мягкой силы»; 4) оценить влияние меметической коммуникации на трансформацию классической модели публичной сферы.

От меметики к политической мемологии

Исходная концепция мема была сформулирована британским этологом Ричардом Докинзом в его знаковой работе «Эгоистичный ген» (1976). Докинз предложил понимать мем как единицу культурной передачи, аналогичную гену в биологической эволюции [Dawkins 1976: 192]. В рамках его подхода мемы – это репликаторы, способные к самокопированию, мутациям и подверженные естественному отбору в «супе человеческой культуры». К мемам он относил мелодии, идеи, крылатые выражения, моду и т.д. – все то, что передается путем имитации.

Однако классическая меметика, несмотря на свою эвристическую привлекательность, быстро столкнулась с волной обоснованной критики и методологическими тупиками. Главными ее недостатками стали онтологическая неопределенность, проявляющаяся в отсутствии четкого определения материального субстрата мема в нейронных структурах мозга; биологический редукционизм, выражающийся в механическом переносе законов популяционной генетики на сложные социокультурные процессы и игнорирующий человеческое сознание; интенциональность и творческое начало, а также проблема идентификации единицы анализа, связанная с невозможностью операционально выделить дискретную, стабильную «единицу» мема в непрерывном потоке культурной информации [Edmonds 2005: 55].

Методологический поворот, позволивший вывести изучение мемов из поля спекулятивных аналогий в область эмпирических исследований, осуществила израильская исследовательница Лимор Шифман. В своей работе «Мемы в цифровой культуре» (2014) она предложила прагматическое и операционализируемое определение интернет-мема как «группы цифровых элементов, созданных с осознанием друг друга, которые разделяют общие характеристики содержания, формы и/или позиции, и были распространены, имитированы

и/или трансформированы множеством пользователей в Интернете» [Shifman 2014: 41]. Этот подход позволил сместить фокус с абстрактных «единиц культуры» на конкретные цифровые артефакты и социальные практики их создания, распространения и потребления.

На стыке политической науки, медиаисследований и цифровой социологии начинает формироваться новая исследовательская область – политическая мемология. В последнее время российские исследователи предлагают оригинальные методологические инструменты для анализа и декомпозиции политических интернет-мемов, что существенно углубляет концепцию мемологии как самостоятельной дисциплины [Макаров 2021: 100-101]. Ее предметом является анализ мемов как инструмента конструирования, трансляции, усвоения и оспаривания политических смыслов, ценностей и идентичностей.

Методологический арсенал политической мемологии включает семиотический анализ для деконструкции знаковых систем мемов, включающих визуальные, вербальные и аудиальные элементы, и выявления скрытых коннотаций, критический дискурс-анализ для исследования мемов как элементов политического дискурса и выявления воспроизводимых в них властных отношений и идеологических установок, сетевой анализ для изучения паттернов распространения мемов и идентификации ключевых акторов, влияющих на этот процесс, а также качественный и количественный контент-анализ для выявления частотности определенных тем, образов и оценочных суждений в меметическом контенте [Интернет-мемы... 2025: 101].

Мемы в контексте теории установления повестки дня

Классическая теория *agenda-setting*, эмпирически обоснованная Максвеллом МакКомбсом и Дональдом Шоу в 1972 г., постулирует, что СМИ не столько говорят аудитории, «что думать», сколько определяют, «о чем думать», выстраивая иерархию значимости тем и проблем в общественном сознании [McCombs, Shaw 1972: 176]. Однако эта модель, разработанная для эпохи доминирования традиционных массмедиа, требует существенной корректировки в условиях цифровой среды. Фрагментация медиaprостранства, рост пользовательского контента, персонализация информационных потоков алгоритмами и возникновение горизонтальных каналов коммуникации радикально трансформируют механизмы формирования повестки. В этом контексте мемы начинают функционировать как важнейший инструмент сетевого установления повестки, который предполагает, что медиа влияют не только на значимость отдельных тем, но и на связи между ними в сознании аудитории [Guo, McCombs 2011: 9].

Мемы обладают уникальной способностью не просто пассивно отражать медийную повестку, но активно ее трансформировать, актуализировать и переосмысливать. Они выполняют ряд специфических функций в этом процессе. Во-первых, мемы осуществляют селекцию и актуализацию, выхватывая из общего новостного потока наиболее репрезентативные, скандальные или эмоционально заряженные эпизоды и придавая им гипертрофированную значимость. Во-вторых, они выполняют функцию упрощения и фреймирования, при которой сложные политические процессы и многоаспектные проблемы редуцируются до простых, легко усваиваемых формул, визуальных образов и бинарных оппозиций, таких как «свой – чужой», «власть – народ», «справедливость – произвол». В-третьих, мемы осуществляют эмоциональную окраску, придавая нейтральным фактам и событиям мощную эмоцио-

нальную нагрузку в виде юмора, сарказма, возмущения или гордости, что значительно усиливает их воздействие и запоминаемость. Наконец, они выполняют функцию культурной контекстуализации, встраивая глобальные политические темы в локальные культурные коды и узнаваемые реалии, что облегчает их восприятие массовой аудиторией [Мартынов 2022: 165].

Эмпирические исследования, например анализ мемов в период пандемии *COVID-19* или в ходе специальной военной операции (СВО), показывают, что мемы становятся альтернативной «народной летописью», формирующей коллективное восприятие и оценку масштабных событий, зачастую в оппозиции к их официальной трактовке [Milner 2016: 162]. Эмпирические исследования показывают специфику распространения политических мемов и их влияние на мобилизационный потенциал и формирование групповой идентичности в российских цифровых коммуникациях [Напалкова, Семенов 2022: 66-67].

Меметическая гегемония и «мягкая сила» в цифровую эпоху

Концепция культурной гегемонии, разработанная Антонио Грамши, получает новое, актуальное звучание в контексте борьбы за доминирование в цифровом пространстве [Грамши 1991: 75]. Согласно Грамши, господствующий класс поддерживает свою власть не только через принуждение (государственный аппарат), но и через достижение «интеллектуального и морального лидерства», т.е. согласия подчиненных классов с доминирующей системой ценностей и представлений. Этот процесс осуществляется через институты гражданского общества, к которым в XXI в. уверенно можно отнести и цифровые платформы.

Меметическая гегемония представляет собой современную форму этой борьбы, где ключевым полем битвы становится контроль над производством и распространением вирусных смыслов, которые добровольно и зачастую нерелексивно усваиваются цифровой аудиторией. Государственные и негосударственные акторы, включая политические партии, НКО и иностранные правительства, ведут настоящие «меметические войны», создавая и продвигая мемы, которые фреймируют политическую реальность в выгодном для них ключе, конструируют позитивный образ «своих» и негативный образ «чужих», деконструируют и высмеивают нарративы политических оппонентов, а также внедряют в массовое сознание определенные идеологемы и интерпретационные схемы [Nissenbaum, Shifman 2017: 485].

Тесно связана с этим концепция «мягкой силы» (*soft power*) Джозефа Ная, которая определяется как способность добиваться желаемого через привлечение и убеждение, а не через принуждение или оплату [Nye 2004: 5]. Мемы становятся исключительно эффективным, «низкобюджетным» инструментом «мягкой силы» в цифровую эпоху благодаря своей культурной привлекательности, эмоциональному воздействию, способности к вирусному распространению и маскировке пропагандистского посыла под развлекательный контент. Через юмор, креативность и опору на актуальные тренды мемы могут формировать привлекательный образ страны, ее лидеров и политики в глазах иностранной аудитории. И напротив, они могут использоваться для подрыва репутации геополитических соперников, дискредитации их ценностей и развенчания их нарративов. Российские практики использования мемов в рамках стратегии «мягкой силы» включают продвижение «цифрового патриотизма» через мемы, апеллирующие к исторической памяти, национальной гордости и традиционным ценностям, формирование контрнарративов в

международных информационных конфликтах, предлагающих альтернативные западным трактовки событий, например вокруг ситуации в Сирии или Украине, а также молодежную мобилизацию через использование популярных меметических форматов и языка, понятного цифровому поколению [Бочаров, Демидов 2020].

Мемы и трансформация публичной сферы

Цифровая среда радикально изменила структуру и характер публичной сферы в ее классическом хабермасовском понимании как пространства рационально-критической дискуссии частных лиц, ориентированной на общее благо [Хабермас 2016: 56]. Если идеальная модель Хабермаса предполагала равенство участников, аргументированность и ориентацию на поиск истины, то меметическая коммуникация вносит в публичный дискурс принципиально иные, зачастую деструктивные элементы. К ним относятся упрощение и примитивизация, проявляющиеся в редукции сложных политических проблем до уровня простых лозунгов и картинок; эмоционализация и эскалация аффекта, при которых юмор, ирония, сарказм и возмущение доминируют над взвешенной аргументацией; поляризация, усиливающая идеологическое противостояние через создание мемов, направленных на дискредитацию и дегуманизацию политических оппонентов, а также троллинг и деструкция, связанные с использованием мемов не для диалога, а для провокации, срыва дискуссии и создания информационного шума. В этом смысле мемы способствуют эрозии рационального фундамента публичной сферы, превращая ее в арену перформативных эмоциональных баталий.

Однако было бы ошибкой видеть в мемах исключительно деструктивную силу. Они обладают и значительным демократизирующим и эмансипаторным потенциалом. Мемы выступают как эффективный инструмент контрпублик – альтернативных дискурсивных пространств, в которых социальные и политические группы, маргинализованные в мейнстримном медиапространстве, могут артикулировать свое несогласие, создавать солидарность и вырабатывать альтернативное видение социальной реальности [Интернет-мемы... 2025: 103]. Трансгрессивный, подрывной юмор мемов становится оружием «слабых» в борьбе с символическим насилием со стороны «сильных». Через мемы граждане могут осуществлять «повседневное сопротивление», критикуя повестку, обнажая ее абсурд и несоответствие декларируемым принципам, минуя цензуру и формальные ограничения.

Заключение

Проведенный теоретический анализ позволяет сделать вывод, что интернет-мемы представляют собой сложный, многоаспектный и социально значимый феномен, исследование которого является не только релевантным, но и необходимым для современной политической науки. Они перестали быть периферийным элементом цифровой культуры и превратились в полноценный инструмент политической борьбы, влияния и коммуникации. Интеграция классических политологических теорий (повестки дня, гегемония, «мягкая сила», публичная сфера) с анализом меметических процессов позволяет выработать комплексный и эвристически мощный теоретико-методологический аппарат для осмысления новой цифровой политической реальности. Такой синтез помогает преодолеть фрагментарность существующих исследований и вывести их на системный уровень.

Формирование «политической мемологии» как специализированного меж-

дисциплинарного исследовательского поля является закономерным ответом академического сообщества на вызовы цифровой трансформации. Ее предметное поле охватывает изучение мемов как инструмента формирования повестки, средства борьбы за гегемонию, орудия «мягкой силы» и фактора трансформации публичной сферы. Дальнейшее продуктивное изучение политических мемов требует активного развития и адаптации исследовательских методик, сочетающих семиотический, дискурс-аналитический и сетевой подходы, а также решения сложных этических проблем, связанных с конфиденциальностью, авторством и потенциальным вредом от исследований пользовательского контента. Понимание логики, механизмов и эффектов меметической коммуникации становится необходимым условием не только для академического анализа, но и для практической деятельности политических акторов — от выстраивания эффективного диалога с цифровой аудиторией до разработки стратегий противодействия деструктивному информационному и меметическому воздействию в условиях современных гибридных конфликтов.

Список литературы

- Бабикова М.Р. 2021. Интернет-мемы как инструмент soft-power — технологии миромоделирования современной молодежи. — *Политическая лингвистика*. № 5(89). С. 116-121.
- Бочаров А.Б., Демидов М.О. 2020. Мемы, мем-вирусы: их сущность и распространение в инфосфере и медийном пространстве. — *Управленческое консультирование*. № 9. С. 92-100.
- Грамши А. 1991. *Тюремные тетради*. В 3 т. М.: Политиздат. Т. 1. 304 с.
- Интернет-мемы как новые политические тексты. 2025. — *Политическая лингвистика*. № 4. С. 97-105.
- Кастельс М. 2016. *Власть коммуникации*. М.: ИД ВШЭ. 564 с.
- Макаров Е.Б. 2021. Мемология как способ экспликации интернет-идеологии: методология декомпозиции политического интернет-мема. — *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. № 3. С. 96-109.
- Мартынов А.А. 2022. Социальная функция мемов о COVID-19 в новых медиа. — *Коммуникология*. Т. 10. № 2. С. 161-169.
- Напалкова И.Г., Семенов А.С. 2022. Интернет-мем как метод политической коммуникации. — *Гуманитарные и политико-правовые исследования*. № 2. С. 55-72.
- Хабермас Ю. 2016. *Структурная трансформация публичной сферы*. М.: Весь Мир. 588 с.
- Dawkins R. 1976. *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford University Press. 368 p.
- Edmonds B. 2005. The Revealed Poverty of the Gene-meme Analogy — Why Memetics per se Has Failed to Produce Substantive Results. — *Journal of Memetics: Evolutionary Models of Information Transmission*. Vol. 9.
- Guo L., McCombs M. 2011. Network Agenda Setting: A Third Level of Media Effects. — *Annual Conference of the International Communication Association*. Boston, MA.
- McCombs M., Shaw D. 1972. The Agenda-setting Function of Mass Media. — *Public Opinion Quarterly*. Vol. 36. No. 2. P. 176-187.
- Milner R.M. 2016. *The World Made Meme: Public Conversations and Participatory Media*. Cambridge, MA: MIT Press. 258 p.
- Nissenbaum A., Shifman L. 2017. Internet Memes as Contested Cultural Capital: The Case of 4chan's /b/ Board. — *New Media & Society*. Vol. 19. No. 4. P. 483-501.

Nye J.S. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs. 191 p.

Shifman L. 2014. *Memes in Digital Culture*. Cambridge, MA: MIT Press. 216 p.

MARTYNOV Aleksey Anatolyevich, Associate Professor of the Chair of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; alamartynov@fa.ru)

INTERNET MEMES AS A TOOL OF POLITICAL COMMUNICATION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF RESEARCH IN THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract. *This article provides a comprehensive analysis of internet memes as a significant phenomenon in contemporary political communication. The digital transformation of the public sphere has given rise to new formats of political interaction, among which Internet memes, with their virality, brevity, and emotional charge, occupy a central place. The aim of this study is to systematize and synthesize theoretical approaches to the study of political memes and to justify the need to develop an interdisciplinary research field – political memeology. The author concludes that Internet memes are not simply a form of digital folklore or entertainment, but a powerful tool for shaping and transforming the political agenda, fighting for hegemony in digital space, implementing soft power strategies, and constructing new forms of political identity.*

Keywords: *Internet memes, political communication, agenda, cultural hegemony, political memeology, mediatization of politics*